

0777

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Джулия Джеймс

ЗОЛУШКА С ПРИДАНЫМ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Джулия Джеймс

Золушка с приданым

«Центрполиграф»

2016

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Джеймс Д.

Золушка с приданым / Д. Джеймс — «Центрполиграф»,
2016 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-07783-7

Злобная мачеха превратила жизнь Элен Маунтфорд в ад. Разорив и доведя до смерти отца Элен, она грозит продать фамильную усадьбу Хаугтон – единственное убежище одинокой, осиротевшей девушки. Богатый и всемогущий Макс Василикос готов купить усадьбу, но Элен собирается до последнего защищать родной дом. Макс не привык отступать и полон решимости сломить сопротивление Элен. Хитростью он заманивает ее в Лондон на роскошный благотворительный бал. Неожиданно на его глазах нескладная замарашка Элен превращается в королеву бала. Макс не остается равнодушным к ее чарам...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-07783-7

© Джеймс Д., 2016
© Центрполиграф, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Джулия Джеймс

Золушка с приданым

A Cinderella for the Greek

© 2016 by Julia James

«Золушка с приданым»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

Удобно устроившись в кожаном кресле и вытянув длинные ноги, Макс Василикос приготовился выслушать риелтора.

– Выкладывайте, что вы нашли для меня?

– Вас могут заинтересовать несколько английских усадеб, – сказал агент по недвижимости и с надеждой протянул рекламные брошюры одному из самых требовательных клиентов.

Темные глаза Макса пробежали по глянцевым страницам и остановились на фотографии красивого дома. Это был старинный сельский особняк из светлого песчаника с увитым глицинией крыльцом, широкой лужайкой и ухоженным цветником. Дальше за домом темнел лес, и за деревьями блестело озеро. Залитый солнцем живописный ландшафт ласкал взгляд. Макс захотелось как можно скорее увидеть все лично. Он протянул брошюру риелтору.

– Вот этот, – решительно сказал он.

* * *

Элен задержалась в холле, услышав резкий голос мачехи за дверью гостиной.

– Именно на это я рассчитывала! На этот раз не допущу, чтобы несносная девчонка все испортила!

– Надо как можно скорее продать этот дом!

Капризный, недовольный голос принадлежал Хлое, сводной сестре Элен. Причина недовольства была очевидна: когда Паулин вышла замуж за овдовевшего отца Элен, у нее и Хлои не было другой цели, кроме как тратить его деньги на роскошную жизнь. За несколько лет они промотали все. Остался только особняк, который они унаследовали вместе с Элен после смерти ее отца от сердечного приступа в прошлом году. Теперь они торопились продать его. Их ни секунды не волновал тот факт, что дом уже много поколений принадлежал семье Элен и был ее единственным убежищем.

Враждебное отношение не удивляло ее. Вторгшись в жизнь Элен, мать и дочь откровенно презирали ее. Как она, высокая и некрасивая, топающая, по их выражению, «как слон», могла сравниться с тоненькой, хрупкой и хорошенькой Хлоей?

Теперь уже нарочно грузно ступая, чтобы заглушить голоса, Элен спустилась по лестнице вниз. Похоже, мачеха возлагала большие надежды на нового потенциального покупателя усадьбы Хаугтон. Несмотря на то что Паулин знала о предстоящей судебной тяжбе с падчерицей, оспаривающей продажу особняка, она безапелляционно выставляла его на рынок и терроризировала Элен в надежде сломить сопротивление и добиться согласия на сделку.

Однако сердце Элен окаменело после смерти отца в первую зиму, которую Паулин и Хлоя провели на дорогом курорте на Карибах. Она решила максимально осложнить продажу родного дома, где прошло счастливое детство, оборвавшееся после трагической смерти матери в автокатастрофе. Безутешный отец в состоянии крайнего отчаяния пал легкой жертвой Паулин – хищной и амбициозной охотницей за деньгами.

Когда Элен вошла в гостиную, две пары ледяных голубых глаз уставились на нее с откровенной враждебностью.

– Почему ты задержалась?! – возмутилась Паулин. – Хлоя час назад отправила тебе эсэм-эску. Нам надо поговорить с тобой.

– Я проводила тренировку по лакроссу¹, – невозмутимо сообщила Элен, плюхаясь в кресло.

– У тебя грязь на лице, – заметила Хлоя с насмешкой.

Ее холодный взгляд выражал крайнее презрение, и Элен знала причину: сводная сестра красовалась в одном из своих дизайнерских туалетов – в элегантных брючках и кашемировом топе, ее ногти были ярко накрашены, макияж безупречен, пепельные волосы модно подстрижены и красиво уложены. Элен привычно тяжело вздохнула. В Хлое было все, чего она лишена! Миниатюрная, с личиком в форме сердечка, она напоминала изящную статуэтку, особенно по контрасту со сводной сестрой. Элен явилась в спортивном костюме после тренировки команды в местной женской школе, где преподавала атлетику и географию. Ее густые неуправляемые волосы были завязаны в конский хвост, она не пользовалась косметикой, а на лице была грязь, о чем злорадно сообщила Хлоя.

– Сегодня днем позвонил риелтор, – начала Паулин, сверля глазами падчерицу. – Появился претендент на дом...

– И мы не хотим, чтобы ты сорвала сделку! – злобно прошипела Хлоя. – Особенно с этим парнем.

Последняя фраза насторожила Элен, а кроме того, ей не понравился злорадный блеск в глазах мачехи.

– Макс Василикос собирается добавить английскую усадьбу к своему портфолио и положил глаз на Хаугтон, – победно сообщила Паулин.

Имя ничего не говорило Элен, а Хлоя фыркнула:

– Ради бога, мама, не рассчитывай, что она знает, кто такой Макс Василикос, – и объяснила: – Это омерзительно богатый владелец недвижимости. У него только что закончился роман с Тайлой Брентли. Надеюсь, про нее ты слышала?

Ученицы школы, где преподавала Элен, с ума сходили по английской актрисе, покорившей Голливуд, сыграв главную роль в романтическом блокбастере. Но что касается Василикоса... Она предположила, что, судя по фамилии, он родом из Греции. Такие, как он, мечтают подороже продать Хаугтон русскому олигарху или арабскому шейху, которые будут приезжать сюда раз или два в году. Ее дом умрет без любви и заботы...

Паулин снова открыла рот:

– Макс Василикос настолько заинтересован, что решил сам приехать и посмотреть усадьбу. В качестве любезности я пригласила его на ланч. – Она не скрывала триумфа.

Элен спросила прямо:

– Он в курсе, что Хаугтон принадлежит нескольким собственникам и я не собираюсь продавать свою долю?

Паулин отмахнулась от неприятного напоминания.

– Мне известно одно: нам очень повезет, если он всерьез заинтересуется. Я не хочу, – сказала она с нажимом, – чтобы ты раскачивала лодку. Более того, если не желаешь слушать меня, то, надеюсь, Макс Василикос сумеет убедить тебя.

Хлоя раздраженно заметила:

– Ох, мамуля, не надо. Он не станет с ней даже разговаривать.

Элен опустила глаза, признавая обидную правду: ни один мужчина, не говоря уж о тех, кто крутит романы с кинозвездами, даже не взглянет на нее – настолько она некрасива. Она знала это и смирилась. По крайней мере, ей не свойственна жестокость, присущая сводной сестре.

Паулин повернулась к Хлое:

¹ **Лакросс** – игра в мяч. Две команды, из 10 человек каждая, пытаются забросить мяч в ворота противника с помощью клюшки [crosse], проводится на травяном поле. Популярна у женщин.

– Тем не менее Элен должна присутствовать. Мы выступим единым фронтом.

Единым? Элен вздрогнула. Трудно представить более конфликтующую семью! Ей предстоит тягостное испытание, но зато у нее будет возможность объявить Максу Василикос у нежелании продать свою часть дома. Она неохотно кивнула и поднялась. Надо принять душ и что-нибудь съесть – Элен ужасно проголодалась. Она направилась в кухню. В той части дома, где раньше обитали слуги, она чувствовала себя лучше всего. Паулин и Хлоя здесь не появлялись – они не любили готовить. Элен перенесла свою спальню в одну из дальних комнат с видом на двор, а соседнюю комнату превратила в гостиную и редко выходила в парадные залы. Однако сейчас, возвращаясь к себе, она печально смотрела на широкий изгиб лестницы, огромный камин, тяжелые дубовые двери, темную деревянную облицовку стен и каменные плиты под ногами. Как нежно и преданно она любила этот дом. Она никогда не предаст его. Никогда!

Макс Василикос сбавил скорость на повороте аллеи, вьющейся между подстриженных кустов. Он заехал в самую глубь сельского Хэмпшира, любясь залитым весенним солнцем живописным ландшафтом. Ему не терпелось увидеть усадьбу, фотографии которой сразу привлекли внимание не только с точки зрения инвестора. Лес, сад, лужайки, архитектурный стиль и красивые пропорции особняка теплого охристого цвета создавали ощущение домашнего уюта. По правде говоря, он сам мог бы жить в этом доме... К его удивлению, мысль мелькнула прежде, чем он успел остановить ее. Его всегда устраивала бродячая жизнь – он останавливался в гостиницах, готовый в любую минуту ехать дальше. У него никогда не было своего дома. Он с грустью вспомнил мать, стыдившуюся незаконнорожденного сына. Чтобы придать мальчику законный статус, как думал Макс, она поторопилась выйти замуж. Однако отчим не горел желанием принять в семью чужого ребенка. Ему нужна была бесплатная и безответная прислуга для работы в ресторане в маленьком туристическом городке на Эгейском море. Юные годы Макс провел, работая в таверне: пока отчим болтал с посетителями, Макс обслуживал столики, а его мать, не разгибая спины, готовила на кухне. В тот день, когда она умерла от истощения и легочной инфекции, Макс вышел из дома, чтобы никогда больше не возвращаться. Сдерживая слезы горя, но полный амбициозных планов, на пароме он добрался до Афин. Ничто не могло остановить его на пути к успеху.

Пять лет он вкалывал на стройке, пока не накопил денег на покупку первой недвижимости – полуразрушенного фермерского коттеджа, который он отреставрировал своими руками и продал приезжему немцу. На вырученные средства он купил два дома. Так начался его бизнес, превратившийся в глобальную империю Василикоса. Он скривил губы в усмешке. Таверна отчима досталась ему за копейки, потому что ленивый владелец вконец разорился.

Навигатор показал, что Макс прибыл на место. Въезд в усадьбу был отмечен двумя внушительными каменными столбами. Дорога шла через лес сквозь заросли рододендронов, а потом вывела его на широкую, засыпанную галькой круглую площадку перед фасадом дома.

Оглядевшись, Макс с удовлетворением улыбнулся. Фотографии не обманули: от дома открывалась широкая панорама. Солнце сверкало в створчатых окнах, лиана глицинии обвила каменное крыльцо с дубовой дверью. Глициния еще не зацвела, но обещала великолепное зрелище, зато радовали глаз золотистые нарциссы в яркой зелени. Макс у все нравилось здесь: особняк был не слишком большим, но и не маленьким. Элегантный и изысканный, он повествовал о долгой истории английских землевладельцев и аристократов.

«Мог бы я жить в этом месте? – спрашивал себя Макс. – Стал бы он моим домом?»

Он нахмурился, удивившись своим мыслям. Неужели он достиг возраста, когда хочется обзавестись семьей и пустить корни? Макс не мог представить рядом ни одну женщину, и уж конечно, не Тайлу. Их многое роднило: как и у него, у нее не было корней – она разъезжала по свету. Сначала Макса это устраивало, но не настолько, чтобы связать с ней жизнь. Ему в конце

концов надоело, что она помешана на своей неотразимой внешности. Теперь Тайла крутила любовь с одним из ведущих актеров Голливуда. Макс желал ей удачи.

«Настало время для новых отношений? Мне нужен другой тип женщины...»

Макс одернул себя. Он приехал сюда ради простого дела – решить, стоит ли покупать усадьбу для своего портфолио. Он объехал дом, чтобы взглянуть на хозяйственные постройки. Ему понравился мощный булыжник двор с кадками цветов и скамейкой на солнышке возле кухни. Макс подошел к кухонной двери, чтобы попросить разрешения оставить машину. В этот момент дверь распахнулась, и, почти сбив с ног, на него налетел человек с корзиной дров и огромным пластиковым пакетом. Макс произнес витиеватое греческое ругательство, прежде чем заметил, что столкнулся с женщиной. Вероятно, ее можно было назвать молодой, но в ней мало что указывало на женский пол: крупная, нескладная, с шапкой густых волос, стянутых сзади в конский хвост. Ее глаза прятались за круглыми очками, щеки горели пунцовым румянцем. В бордовом мешковатом спортивном костюме она выглядела ужасно. Макс у нее показала толстой, однако он не забыл хорошие манеры.

– Извините, – мягко сказал он, – можно оставить здесь машину? У меня назначена встреча с миссис Маунтфорд. Я – Макс Василикос.

Щеки женщины покраснели еще больше. Она переводила глаза с него на машину, но молчала, только переминалась, удерживая корзину на бедре.

– Так можно оставить машину? – переспросил Макс.

С видимым усилием она кивнула и пробормотала что-то нечленораздельное. Он вежливо улыбнулся и тут же выкинул ее из головы.

Повернувшись, Макс пошел к парадному крыльцу, оглядывая сад. Летом здесь будет великолепно. Он надеялся, что интерьер дома не уступает его внешнему виду, Макс уже не рассматривал усадьбу с точки зрения вложений и инвестиций.

Темная дубовая дверь открылась перед ним – его ждали. Стоявшая на пороге девушка показала Макс антиподом той, с которой он столкнулся на пороге кухни. Она была миниатюрной, худощаво-стройной и невероятно ухоженной, начиная с модной стрижки и безупречного макияжа до очень дорогого наряда под цвет голубых глаз. Ее окутывал аромат изысканных духов. Она радостно улыбнулась ему:

– Мистер Василикос, добро пожаловать!

Она отступила, пропуская его в просторный холл с выложенным каменной плиткой полом, с огромным камином и широкой лестницей на второй этаж. Все как нельзя лучше соответствовало стилю дома.

– Я – Хлоя Маунтфорд. Как хорошо, что вы смогли приехать!

Дочь владельца усадьбы, как решил Макс, скользнула к ведущим из холла двойным дверям и распахнула их театральным жестом.

– Мамуля, это мистер Василикос, – объявила она.

Мамуля? Макс вспомнил, что у представителей английского высшего света принято обращаться к родителям уменьшительно-ласкательно, как в детстве. Он вошел в просторную гостиную, тоже с большим, но более нарядным камином. Его удивило обилие мебели. Макс с разочарованием отметил, что изысканная серо-голубая гамма, явно подобранная профессиональным дизайнером, выглядела ненатурально, а весь интерьер напоминал картинку из глянцевого журнала. Интересно, сохранилась ли прежняя обстановка? Ему не терпелось все изменить по собственному вкусу. Макс нахмурился: мысли явно опережали события.

– Я так рада познакомиться с вами, мистер Василикос, – приветствовала его элегантная женщина, сидящая в кресле у горящего камина, и протянула ему руку с бриллиантовым кольцом. Как и дочь, она была прекрасно ухожена и явно тратила на омолаживающие процедуры огромные деньги.

Макс обратил внимание на двойную нить прекрасного жемчуга на шее, явно подновленной пластическим хирургом.

Макс занял указанное ему место на диване подальше от огня, а Хлоя грациозно присела рядом с ним.

– Мне доставляет большое удовольствие приветствовать вас в Хаугтоне, – жеманно пролепетала миссис Маунтфорд, но инициативу тут же перехватила ее дочь:

– Спасибо, что выбрали время в вашем, уверена, очень плотном графике, чтобы посетить нас. Как долго вы пробудете в Англии на этот раз, мистер Василикос?

– У меня нет четкого плана, – ответил Макс, подумав, не заигрывает ли с ним Хлоя Маунтфорд. Он надеялся, что нет. Возможно, излишняя худоба была нынче в моде, но не в его вкусе. Впрочем, полноту он тоже не одобрял. Лишний вес не украшает, тем более если внешность непривлекательна – Макс вспомнил женщину на крыльце кухни и подумал о ней с жалостью.

– Неудивительно слышать это от хозяина международного бизнеса! – рассмеялась Хлоя и повернула голову в сторону скрытой за облицовкой стены двери, которая вдруг распахнулась.

На пороге возникла нескладная фигура женщины с чайным подносом в руках. Макс сразу узнал незнакомку, которую только что мысленно пожалел.

Она сменила мешковатый спортивный костюм на серую юбку, белую блузку и надела туфли на плоской подошве. Волосы по-прежнему были убраны в бесформенный хвост, глаза спрятаны за очками. Чувствуя явное смущение, она тяжелой походкой вошла в комнату.

– А вот и Элен! – воскликнула миссис Маунтфорд, когда та поставила поднос на низкий столик у камина. – Мистер Василикос, познакомьтесь с моей падчерицей Элен.

Женщина, которую Макс принял за служанку, оказалась членом семьи. Ему это и в голову не пришло, однако покупка дома вовсе не предполагала изучения его владельцев.

– Добрый день, – вежливо сказал он, вставая.

Женщина покраснела и плюхнулась на диван рядом с Хлоей. Глядя на сидящих рядом сводных сестер, Макс не мог представить более разных людей: миниатюрную, ухоженную Хлою и простоватую, неопрятную Элен.

Элен едва заметно кивнула и посмотрела на мачеху.

– Хотите, чтобы я разливала, или будете играть роль хозяйки? – насмешливо спросила она, заставив Макса насторожиться.

– Пожалуйста, разливай ты, Элен, дорогая, – промурлыкала миссис Маунтфорд, игнорируя тон падчерицы.

– Кофе, сливки и сахар, мистер Василикос? – Общение явно давалось Элен с трудом, но румянец смущения постепенно сходил. Гладкая светлая кожа лица говорила о хорошем здоровье и привычке проводить много времени на улице. В отличие от нее бледная утонченная Хлоя напоминала тепличное растение.

– Черный кофе, спасибо, – ответил Макс. Он терпеливо ждал окончания ритуального действия, чтобы осмотреть дом – главную цель своего визита. Непринужденно расположившись на диване, он начал светскую беседу в нужном ему направлении. – Итак, – обратился он с заинтересованной улыбкой к Паулин Маунтфорд, – что заставляет вас расстаться с таким красивым домом?

Если ему не нравился декор, не стоило говорить об этом хозяйке. Судя по всему, это был ее собственный выбор. Внутреннее убранство можно легко сменить. Макса интересовал сам особняк. Причем, очень интересовал. Первое благоприятное впечатление усиливалось с каждой минутой. Макс никогда не отличался сентиментальностью, но дом, казалось, притягивал его.

Когда Паулин заговорила, Элен помрачнела. Чашка в руке задрожала.

– Как ни печально, с ним связано слишком много воспоминаний. После смерти мужа мне невыносимо жить здесь. Я знаю, что должна быть сильной и готовой начать новую жизнь. – Она со всхлипом вздохнула. – Мне с трудом далось это решение, но...

– Бедная мамуля. – Хлоя с нежностью потрепала руку матери.

– Не знаю, как я пережила этот год, – призналась Паулин.

– Сожалею о вашей утрате, – пробормотал Макс. – Но вполне понимаю, почему вы продаете усадьбу.

Со стороны падчерицы послышался резкий стук чашки о блюдо. Оглянувшись, Макс заметил ее странное напряженное выражение. Элен снова покраснела и отвернулась, наклонившись над серебряным кофейником. Вдруг она резко встала.

– Мне надо посмотреть, готов ли ланч, – заявила она, скрываясь за служебной дверью.

Паулин доверительно склонилась к Макс и прошептала:

– Бедная Элен очень болезненно перенесла смерть моего мужа. Она была предана ему всей душой. – Морщинка пересекла гладкий, явно ботоксный лоб. – Боюсь, слишком сильно...

Выражение ее лица вдруг просветлело.

– Думаю, вы хотите посмотреть дом до ланча. Хлоя с удовольствием устроит для вас гранд-тур! – весело засмеялась Паулин.

Макс поднялся вслед за Хлоей. Он давно мечтал пройтись по комнатам, вместо того чтобы выслушивать драматические признания членов семьи Маунтфорд. Хлоя казалась ему слишком худой, а Элен – наоборот, но ни та ни другая не привлекали его. Макса интересовал только дом.

К концу осмотра он окончательно влюбился в особняк. Осмотрев спальни, он остановился на широкой лестничной площадке второго этажа. Макс с удовлетворением смотрел в круглое окно-амбразуру на сады, на сверкающую гладь озера в обрамлении камыша, на темнеющий вдалеке лес. Он принял окончательное решение: Хаугтон-Корт будет принадлежать ему.

Глава 2

Добравшись до кухни, Элен вздохнула в изнеможении. Визит любого человека в дом с целью его покупки вызывал у нее стресс, но... Господи, помилуй... Появление Макса Василикоса было выше ее сил. Щеки снова пунцово вспыхнули, как в тот ужасный, непростительный момент, когда она чуть не столкнула его с крыльца. Она остолбенела при виде незнакомца: высокий, широкоплечий, мускулистый, «таинственный, смуглый красавец», как пишут в романах. Волосы, как соболиный мех, черные глаза, скульптурные черты лица, словно высеченные из гладкого мрамора...

Его внешность снова поразила ее, когда она подавала кофе, но она была уже подготовлена и не ошиблась, привычно встретив его полный жалости взгляд. Горло болезненно сжалось: контраст между нежной, хорошенькой блондинкой Хлоей и ее грубой, бесформенной тушей был особенно заметен, если они сидели рядом. Элен часто ловила на себе этот взгляд.

Золушка с приданым.

Она заставила себя отвлечься от навязчивой мысли: стоило подумать о более важных вещах – найти способ объяснить Максу Василикосу свою позицию по поводу продажи дома. Пускай Паулин и Хлоя лицемерно причитают о «сентиментальных воспоминаниях», но правда заключается в том, что им не терпится продать усадьбу и прибрать деньги к жадным ручкам.

Элен будет сражаться до последнего.

Им придется тащить ее в суд, преодолевая сопротивление. Она постарается затянуть процесс и осложнить его так, чтобы он обошелся как можно дороже.

Макс Василикос, будучи расчетливым инвестором, заинтересован в быстрой покупке и прибыльной продаже. Вряд ли его устроит длительная тяжба. Он найдет более выгодный вариант для своего бизнеса и оставит Хаугтон в покое.

Элен убедилась, что цыпленок еще поджаривается, и принялась резать овощи, продолжая тем временем размышлять о предстоящей борьбе за дом.

«Он никогда не уговорит меня согласиться на сделку. Никогда!»

Что бы ни говорил, что бы ни делал, он не заставит ее согласиться. Вероятно, Макс Василикос привык, что женщины тают при одном только взгляде его бархатных глаз, но – Элен болезненно скривила рот – при ее непривлекательной внешности она будет последней на планете, на ком Макс решит испытать свои чары.

– Шерри, мистер Василикос, или что-нибудь покрепче? – промурлыкала Паулин.

– Сухой шерри, пожалуйста, – ответил Макс.

Он вернулся в гостиную после обхода особняка. Решение было принято – дом должен принадлежать ему. Более того, он не выставит его на продажу. Станным образом он все более привыкал к этой мысли. Она по-настоящему захватила его. Сделав глоток вина, он медленно обвел глазами элегантное помещение.

В оформлении всех комнат, которые показала ему Хлоя, чувствовалась рука профессионального дизайнера – красиво, но не уютно. Только строгий мужской интерьер библиотеки остался нетронутым и указывал на то, каким был дом до переоформления: вдоль стен тянулись шкафы с книгами, на полу сохранились потертые цветастые ковры, стояли обтянутые кожей массивные кресла, придававшие просторному помещению старинное очарование, которого лишились другие комнаты. Скорее всего, покойный Эдвард Маунтфорд не позволил жене вторгаться в свои владения – Макс был благодарен ему за это.

Хозяйка обратилась к нему с каким-то вопросом, и Макс вынужден был отвлечься от размышлений, подумав о том, что вернет дому прежнюю обстановку, как только получит его

в собственность. К счастью, бессмысленный разговор продолжался недолго: в гостиную через служебный вход тяжелой походкой вошла падчерица Паулин Маунтфорд.

– Ланч готов, – коротко объявила она, распахнув дверь в столовую.

Несмотря на полноту, она держалась достойно – прямая спина, прекрасная осанка. Макс у нее показалась сильной и статной, несмотря на явно лишний вес, – короткие рукава нескладной блузки открывали полные руки. Он нахмурился, озадаченный тем, что хозяйка и ее дочь наряжены с вычурной элегантностью, а Элен Маунтфорд, вероятно, дочь покойного владельца усадьбы от первого брака, одета так небрежно. Впрочем, бесформенные женщины часто склонны пренебрегать внешностью.

Идя вслед за Элен, Макс наблюдал за ней. Он с удивлением отметил, что у нее красивые лодыжки, однако тяжелый узел волос на голове изуродовал бы даже красавицу. Что, если изменить ей прическу?

Он занял указанное ему за столом место, продолжая поглядывать на Элен. Маленькие для ее лица очки делали челюсть слишком тяжелой, а глаза – невыразительными. Тем не менее цвет глаз ему понравился – светло-карие с янтарными искрами. Ресницы прятались под правой очкой, но сдвинутые в одну линию густые брови выглядели уродливо. Почему она не следит за собой? Нужно совсем немного усилий, чтобы выглядеть привлекательнее. Например, подобрать одежду, которая скрывает лишний вес. Лучше бы, конечно, делать зарядку и не есть так много! Макс заметил, что кроме него за еду с аппетитом принялась только Элен. Курица действительно была великолепна, но Паулин и ее дочь лениво ковыряли вилками в тарелке. Макс почувствовал раздражение. Неужели они не понимают, что излишняя худоба так же уродлива, как и полнота? Он снова перевел взгляд на Элен. Рукава блузки слишком туго облегли руки, но мышцы лица и шеи казались подтянутыми. Она заметила его взгляд и густо покраснела, что явно не украшало ее. Макс отвел глаза. Почему он думает, как улучшить внешность Элен Маунтфорд, ведь она ему совсем неинтересна?

– Как вы намерены поступить с обстановкой дома? – спросил он. – Заберете ли картины?

При звуке его голоса Элен издала звук, похожий на всхлип. Взглянув на нее, Макс увидел, что она побледнела и напряглась.

– Скорее всего, оставлю здесь, – ответила Паулин Маунтфорд, – ведь они так подходят к этому дому, не правда ли? Конечно, – многозначительно добавила она, – после того, как их оценит независимый эксперт.

Макс оглядел стены. Он ничего не имел против произведений искусства и аутентичной мебели, но от предметов современного дизайна придется избавиться. За спиной Хлои он заметил на обоях темное пятно от картины.

– Продано, – мрачно произнесла Элен и поджала губы.

Хлоя засмеялась:

– Это был ужасный натюрморт с тушей оленя. Мы с мамулей ненавидели его.

Макс вежливо кивнул, не сводя глаз с Элен: судя по всему, ее огорчила продажа картины с убитым оленем. Хозяйка дома отвлекла его внимание.

– Скажите нам, господин Василикос, куда вы отправитесь дальше? Ваш бизнес заставляет много путешествовать по миру, не так ли? – ласково улыбнулась Паулин, пригубив вина.

– На Карибы, – ответил Макс. – Планирую построить курорт на одном из малоосвоенных островов.

Бледно-голубые глаза Хлои загорелись.

– Обожаю Карибы! – воскликнула она с энтузиазмом. – Мы с мамулей провели прошлую зиму на Барбадосе. Остановились, конечно, в «Сансет-Бей». Он вне конкуренции, правда?

– Пожалуй, он действительно хорош в своем классе, – согласился Макс. Однако роскошный курортный комплекс не имел ничего общего с тем, что он собирался строить, как и выбранный им остров не походил на фешенебельный Барбадос.

– Расскажите о вашем проекте, – умоляла Хлоя. – Когда будет торжественное открытие? Мы с мамулей хотели бы оказаться в числе первых гостей.

Лицо Элен снова помрачнело. Макс не мог понять причину. Вдруг его молнией пронзило воспоминание: все, что он говорил, вызывало недовольство отчима, поэтому Макс предпочитал молчать в его присутствии. Он отогнал неприятную мысль, возвращаясь к разговору.

– Мой курорт будет сильно отличаться от «Сансет-Бей», – сказал он, – прежде всего заботой об экологии и максимальным использованием природных ресурсов: дождевой воды для душа, естественной вентиляции. – Он еле заметно усмехнулся.

– О господи, – с сожалением покачала головой Паулин. – Боюсь, мне это не подходит. Я плохо переношу жару.

– Условия действительно не каждому подойдут, – согласился Макс и повернулся к Элен: – Что вы думаете об этом? Вам бы понравилось жить в деревянном коттедже и готовить пищу на углях? – Неожиданно ему захотелось втянуть ее в беседу, узнать ее мнение, наверняка отличное от претензий изнеженной сводной сестры.

– Похоже на глампинг, – откликнулась Элен в характерной для нее резкой манере.

– Глампинг? – удивленно свел брови заинтригованный Макс.

– Гламурный кемпинг, как теперь говорят, – пояснила она. – Комфортный отдых для тех, кто хочет вернуться к природе, но не лишаться удобств цивилизации.

Макс задумчиво улыбнулся:

– Подходящее описание моего проекта, пожалуй.

Хлоя звонко рассмеялась.

– Я бы сказала, что гламур и кемпинг исключают друг друга. Хотя для Элен комфорт – понятие относительное. Она организует летние лагеря для школьников из Лондона. На самом базовом уровне, – сообщила она и демонстративно передернула плечами, не скрывая презрения.

– Походы и приключения, – пояснила Элен. – Детям очень нравится. Многие из них никогда не выезжали на природу.

– Элен увлечена «социальными программами», – заметила Паулин. – Думаю, это похвально.

– И очень грязно! – чирикнула Хлоя, стараясь поймать взгляд Макса и заслужить одобрение, но он смотрел на Элен. Ее участие в программах для детей из бедных семей стало неожиданностью, ведь сама она принадлежала к привилегированному сословию.

– Вы размещаете их здесь? – спросил он.

Если так, то он готов поддержать традицию, включив в длинный список собственных благотворительных проектов, которые финансировал из своих немалых доходов.

– Нет. Мы разбиваем палаточный город неподалеку отсюда на игровых площадках школы, где я работаю. Дети могут пользоваться спортивным павильоном и душевыми кабинками, а также бассейном. С одной стороны, они получают удовольствие от жизни в палатках на природе, а с другой – имеют доступ к спорткомплексу частной школы.

Слушая Элен, Макс заметил в ней удивительную перемену: она оживилась, щеки уже не пылали, как помидоры, черты лица стали легче, и даже чертовы очки не очень портили ее. Однако, заметив его интерес, она замолчала и спряталась за бокалом с вином. Он почувствовал разочарование и приготовился задать вопрос, чтобы расшевелить ее, но его отвлекла хозяйка.

– После ланча, я уверена, вы захотите осмотреть сад. Еще рановато для рододендронов, но через пару недель кусты вдоль подъездной аллеи будут в полном цвету, – улыбнулась она. – Восхитительное, яркое зрелище.

– Рододендроны... – сказал Макс, чтобы заполнить паузу, – «розовое дерево», если дословно переводить с греческого.

– Как интересно! – воскликнула Хлоя. – Значит, их родина – Греция?

– Нет, они пришли к нам из Гималаев, – немедленно возразила Элен. – Их привезли в Англию во времена королевы Виктории. К сожалению, они кое-где разрослись и превратились в сорняки.

Паулин переглянулась с дочерью и пожала плечами. Хлоя пропустила слова сводной сестры мимо ушей, продолжая разговор:

– Поздней весной у нас цветут азалии, они невероятно красивы в середине мая. Здесь их целые поля. Мамуля устроила извилистую дорожку прямо через заросли.

Раздался громкий стук столовых приборов.

– Нет, не она. Дорожка появилась гораздо раньше – ее сделала моя мама. – Глаза Элен за стеклами очков грозно сверкнули в сторону беспомощной Хлои.

Макс с интересом следил за обменом репликами.

Элен резко поднялась:

– Если все закончили... – Она собрала тарелки, сложила на поднос и вышла.

– О господи, – вздохнула Паулин, – прошу прощения. – Она взглянула на дочь – та поняла намек.

– Элен бывает такой... чувствительной, – пробормотала она. – Мне следовало помнить об этом.

– Мы делаем все возможное, – подхватила Паулин. – Но, увы...

Максу показалось необычным, что мать и дочь старались сгладить резкость своей родственницы, но он уже потерял интерес к выяснению семейных отношений и перевел разговор на интересующую его тему, спросив, далеко ли Хаугтон от моря. Разговор снова прервался, когда Элен вернулась с подносом и поставила на стол яблочный пирог, чашку с кремом и молочник со сливками. На сей раз она не присоединилась к семье.

– Кофе подан в гостиной. Я оставлю вас, – объявила она и вышла через служебную дверь.

Улыбнувшись, Паулин Маунтфорд обратилась к Макс:

– Какое впечатление произвел на вас Хаугтон? – Паулин сопроводила вопрос очаровательной улыбкой. Она сидела в грациозной позе на диване в гостиной, куда Элен подала кофе.

Макс был единственным, кто отдал должное яблочному пирогу, по достоинству оценив нежное тесто и сочную начинку с ароматом корицы и мускатного ореха. Тот, кто приготовил пирог, был отменным поваром. Неужели это творение рук неуклюжей Элен? В таком случае, невзирая на некрасивую внешность, у нее оставался убедительный козырь привлечь мужчину. Впрочем, это может оказаться недостатком, если ее полнота – результат чрезмерного увлечения своими кулинарными изысками...

Макс покачал головой: он опять думал об этой женщине. Почему? Она для него посторонний человек и останется такой. Он откинулся на спинку кресла. Хозяйка явно хочет знать о его намерениях. Почему сразу не сообщить ей хорошую новость, ведь он принял решение, которое крепнет с каждой минутой. Желание купить усадьбу было импульсивным, но инстинкт никогда не подводил его.

– Очаровательное место, – сказал он, вытягивая длинные ноги к огню, словно уже чувствовал себя полноправным владельцем. – Думаю, мы сможем заключить договор – цена меня устраивает. Однако прежде, как обычно, будет проведена полная экспертиза, оценка состояния усадьбы и прочие формальности.

Паулин довольно заулыбалась. Краем глаза он заметил, что Хлоя тоже оживилась.

– Замечательно! – воскликнула хозяйка с явным облегчением.

Он не удивился: уединенная жизнь в усадьбе в компании резкой и недружелюбной Элен была нелегким испытанием. Макс не осуждал вдову и ее дочь за желание начать с чистого листа. Разве сам он не покинул таверну сразу после того, как похоронил мать? Впрочем, ему не хотелось вспоминать несчастливое детство, а тем более вникать в проблемы семейства Маунтфорд.

Поставив чашку на стол, Макс поднялся.

– Прежде чем уехать, я бы хотел осмотреть сад и хозяйственные постройки за главным домом. Нет, не вставайте, – остановил он Хлою, готовую сопровождать его. – Моя обувь больше подходит для прогулок на природе, чем ваша. – Он выразительно посмотрел на ее изящные туфельки. На самом деле ему не хотелось слушать охи и ахи насчет местных красот. Навряд ли желание купить усадьбу пропадет, даже если что-то в окрестностях ему не понравится.

Как только он вышел, за дверью послышались возбужденные голоса с нотками триумфа. Его настроение тоже было приподнятым. Макс с удовольствием оглядел просторный холл – скоро дом будет принадлежать ему.

Он замедлил шаги, размышляя о том, что усадьба поколениями принадлежала одной семье. Макс никогда не испытывал ничего подобного: в нем крепла мысль о том, что он готов пустить корни. Здесь родятся его дети. У него никогда не было семьи, но она будет.

Макс с горечью вспоминал мать. Если бы она прожила дольше, он был бы счастлив поселить ее здесь, окружить заботой и роскошью, которую мог теперь позволить. Он думал о том, что теперь должен позаботиться о продолжении рода и подарить своим детям счастливое детство, которого сам был лишен. Сюда он приведет женщину – свою будущую жену. Правда, сначала ему предстоит найти ее. Но здесь будет их дом.

Решив осмотреть служебные помещения, прежде чем выйти на хозяйственный двор, Макс направился к задней двери. Вдруг из коридора, ведущего в большую кухню, раздался голос:

– Мистер Василикос, мне нужно поговорить с вами!

Перед ним с каменным выражением лица возникла Элен Маунтфорд. Макса охватило раздражение. Он хотел поскорее закончить инспекцию и уехать отсюда.

– О чем? – спросил он с холодной вежливостью.

– Это очень важно. – Элен поманила его в кухню.

Макс неохотно последовал за ней. Он попал в огромное помещение с каменным полом и старинными деревянными шкафами вдоль одной из стен. Часть другой стены занимала громоздкая плита. В середине стоял массивный хорошо выскобленный дубовый стол. В кухне царила атмосфера тепла и домашнего уюта, к счастью, без следа современного дизайна. Макс повернулся к Элен Маунтфорд. Она стояла в напряженной позе, ухватившись за спинку высокого стула. Лицо выражало непреклонную решимость.

– Вы должны кое-что знать! – Слова давались ей с трудом. Элен находилась в состоянии крайнего возбуждения и собиралась с силами, чтобы продолжить речь.

– И что же это? – подсказал он.

Элен нервно сглотнула. От прежнего пунцового румянца не осталось и следа. Она была бледна как полотно.

– Мистер Василикос, мне нелегко говорить об этом, и я очень сожалею, что ваш визит сюда оказался напрасным. Независимо от того, что мачеха наговорила вам, должна предупредить – Хаугтон не продается и никогда не будет продаваться!

Глава 3

Замерев, Макс уставился на нее. Потом произнес далеким от светской вежливости голосом: – Соизвольте объяснить, что вы имеете в виду?

Элен глубоко вздохнула, заставляя себя сказать то, что должна была.

– Мне принадлежит одна треть Хаугтона, и я не намерена ее продавать.

Ее сердце стучало, как молот, но дело было сделано. С той минуты, что Элен вышла из гостиной, ее волновала только одна мысль: как перехватить Макса Василикоса и наедине сообщить ему свое решение. Ее план сработал, но вызвал откровенное негодование покупателя. Темные брови нахмурились, лицо застыло. Вместо приятного, обходительного гостя перед ней стоял крутой, могущественный бизнесмен, столкнувшийся с неожиданным препятствием.

– По какой причине?

Элен поджала губы.

– Для вас это не имеет значения.

Выражение его лица изменилось – стало циничным.

– Вероятно, вы хотели бы поднять цену?

– Нет. Я не хочу продавать Хаугтон и не буду.

Теперь Макс смотрел на нее с интересом, словно изучая.

– Вы понимаете, что, по закону, владея частью усадьбы, не сможете препятствовать продаже, если этого хотят другие собственники?

Элен побледнела от нахлынувших эмоций. Макс заметил, как побелели костяшки ее пальцев, сжимавших спинку стула.

– Я постараюсь, чтобы судебное разбирательство продолжалось как можно дольше. Ни один покупатель не согласится на ожидание, которое к тому же дорого обойдется ему.

Макс не сводил с нее взгляда: судя по ее напряжению, Элен решила стоять до последнего. Прикрыв глаза длинными черными ресницами, он миролюбиво сказал:

– Как пожелаете, мисс Маунтфорд, но мне бы хотелось осмотреть владения, пока я здесь, если позволите. – Макс одобрительно оглядел кухню. – Я рад, что здесь все сохранилось в прежнем виде.

Неожиданный переход от враждебности к одобрению застал Элен врасплох.

– Мачеха не проявила интереса к обновлению кухни, – сказала она.

– Вот и хорошо, – заговорщически блеснул глазами Макс.

Элен растерялась еще больше.

– Вам не понравилась обстановка парадной части дома? – спросила она, считая, что дельцы от недвижимости любят дизайнерские интерьеры.

– Мой вкус отличается от вкуса вашей мачехи, – улыбнулся Макс. – Я предпочитаю что-то менее... вычурное.

– Она отправила фотографии интерьеров в глянцевого журнал! – не смогла скрыть ехидство Элен.

– Там охотно печатают такие картинки, – согласился Макс. – В доме сохранилось что-нибудь от прежней обстановки?

– Часть мебели отправили на чердак, – помрачнела Элен. Там хранилось все, что Паулин не сочла достаточно ценным, чтобы продать, как она поступила с картинами в гостиной и другими предметами искусства. На вырученные деньги они с Хлоей путешествовали по роскошным курортам.

– Хорошая новость, – кивнул Макс, решив, что осмотрит склад под крышей после того, как подпишет контракт.

В том, что дом будет принадлежать ему, у Макса не возникало сомнений. Он с сожалением смотрел на женщину, ставшую неожиданной преградой на его пути: напрасно она думала, что остановит его. Он не знал причины ее упрямства, но немалый опыт переговоров подсказывал ему, что любое препятствие можно обойти, если есть желание. А ему хотелось получить этот дом больше, чем любую другую собственность когда-либо. Макс хотел здесь жить.

– Что ж, мисс Маунтфорд, пойду дальше. Не провожайте меня.

Элен смотрела ему вслед и чувствовала, как стучит сердце, к горлу подступает тошнота.

«Господи, – думала она, – сделай так, чтобы он уехал и не вернулся. Пусть купит другую усадьбу в другом месте. Пожалуйста, Господи, оставь мне мой дом!»

* * *

Макс стоял на берегу озера под раскидистой березой и смотрел вдаль. Ему нравилось здесь все. Он осмотрел хозяйственные постройки, которые нуждались в незначительном ремонте, и уже планировал переделать одну из конюшен под гараж для машин. Он решил, что оставит несколько денников для лошадей. Сам он не увлекался верховой ездой, но, возможно, дети захотят иметь своих пони. Макс сдержал смех: он думает о детях, хотя еще не нашел женщину, которая родит их. У него нет недостатка в женщинах, готовых на эту роль, но ни одна из нынешних знакомых ему не подходит. Он хорошо провел время с Тайлой, но их пути разошлись. Его жена не будет похожа на эгоистичную, тщеславную кинозвезду, желающую покорить Голливуд. Он найдет подругу, которая полюбит это место не меньше, чем он. Она будет любить его и детей...

Тряхнув головой, Макс вернулся к реальности. Прежде ему нужно купить усадьбу. Почему ему не сообщили о том, что усадьба имеет трех владельцев, и он узнал об этом так неожиданно? Впрочем, он найдет решение проблемы позже. Макс захотелось выйти за периметр сада и закончить осмотр на опушке леса, куда вела тропинка, вьющаяся вдоль заросшего камышами берега озера. Мысленно он уже представлял, как будет устраивать здесь пикники для детей или жарить барбекю по вечерам. Хорошо бы сделать рядом с домом бассейн под стеклянной крышей... Размышляя, он вышел на открытую полянку и вдруг заметил вдалеке фигуру человека в спортивном костюме, направляющегося в его сторону вдоль дальней стороны пруда. На большом расстоянии Макс не мог различить лицо, решив, что это кто-то из соседей, посягнувших на чужую территорию. Нахмурившись, Макс двинулся наперерез. По мере того как бегун приближался, Макс все больше чувствовал замешательство. Этого не может быть! Просто не может быть!

Он не верил глазам. Неужели он видел перед собой Элен Маунтфорд – мрачную, неуклюжую, плохо одетую женщину, вызывавшую только жалость? Невозможно! Но к нему грациозно и стремительно приближалась именно Элен. Она бежала легко и уверенно – высокая, длинноногая, с развевающимися темными волосами. А ее фигура... Макс не мог оторвать взгляд от сильного, гибкого, тренированного тела без грамма лишнего жира. Спортивный топ подчеркивал упругую пышную грудь над плоским животом, а шорты туго обтягивали крутые ягодицы и стройные бедра. Элен была великолепна. Макс испытал нечто большее, чем восхищение, – от одного только взгляда на нее у него закипела кровь.

Несколько произвольно вырвавшихся греческих слов выразили удивление, восхищение, восторг... Потом пришла другая мысль: как она сумела скрыть свое потрясающее тело? Почему он не разглядел и не заметил ни одного признака?

Однако он понял. По какой-то причине Элен умышленно пряталась в убогую одежду, в чудовищный бордовый спортивный костюм, в котором напоминала надутую воздухом куклу. Она уродовала себя бесформенной серой юбкой и блузкой с узкими рукавами, стягивающими накачанные мышцы рук, отчего они выглядели полными.

Макс вышел на дорожку ей навстречу.

– Привет! – непринужденно сказал он.

Элен резко остановилась, словно перед ней с неба упал цементный блок. Она не то вскрикнула, не то ахнула, уставившись на него. Макс Василикос был последним, кого она хотела видеть в эту минуту. Эмоциональный стресс от событий дня и разговора с Максом совершенно сломили ее. Как только за ним закрылась дверь, Элен поднялась к себе, переоделась и отправилась на пробежку в надежде, что физическая нагрузка поможет прийти в себя. Она выбрала самый длинный маршрут через лес и поле, чтобы вернуться назад по тропинке вдоль озера. Элен надеялась, что к этому времени Макс уедет прочь на своей роскошной машине. Вместо этого он возник прямо перед ней, как злой демон из пантомимы! В глазах демона сверкал такой огонь, что Элен покрылась жаркой краской смущения. Она чувствовала себя почти обнаженной в легком спортивном облачении, безжалостно выставляющем напоказ мускулистое тело. Элен гордо подняла подбородок: она не позволит еще больше унижить себя после того, как Макс заметил, какой контраст она представляет рядом с изящной Хлоей. Она ощутила на себе его оценивающий взгляд.

– Трудно представить более разных людей, чем вы с Хлоей. Притом что у вас одинаковые фамилии, никто бы никогда не сказал, что вы сестры, – в недоумении покачал головой Макс, не заметив выражения мучительной боли на лице Элен. – Извините, что задерживаю вас. Нельзя, чтобы мышцы резко остыли после нагрузки. Прошу вас продолжать бег, но так, чтобы мы могли беседовать. – Он повернул в сторону дома и зашагал быстро и размашисто.

Элен поравнялась с ним в медленном беге. Сердце стучало чаще, чем при физической нагрузке, и она едва сдерживала слезы: жестокое замечание не давало покоя, но Элен не могла допустить, чтобы Макс это заметил. Кроме того, ее невероятно смущала собственная незащищенность: почти обнаженное, потное тело, волосы, стянутые эластичной лентой, отсутствие очков, скрывающих глаза.

– О чем? – спросила она, подумав, что неожиданная встреча даст возможность убедить Макса отказаться от Хаугтона и поискать счастья в другом месте.

– Я готов купить усадьбу, – сказал Макс, – за объявленную цену...

– Моя доля не продается, – упрямо заявила Элен.

– Одна треть от суммы продажи, – Макс не сводил с нее глаз, – составит около миллиона фунтов...

– Меня не интересуют деньги, мистер Василикос, пожалуйста, поймите. Моя доля не продается ни на каких условиях.

– Почему?

– Что, значит, почему? – огрызнулась Элен. – У меня свои причины. Не продам, и все! – Она взглянула на Макса. – Я сделаю все, что в моих силах, чтобы затруднить вам покупку!

Злость в голосе Элен заставила Макса поднять брови. Он явно собирался что-то сказать, но Элен не хотела слушать. Она думала только о том, чтобы скорее избавиться от него, добраться до своей комнаты, рухнуть на кровать и зарыдать. Больше всего она боялась, что этот человек выполнит свое намерение и отнимет у нее дом – единственное любимое место на земле. Она не вынесет этого! Элен резко рванула с места, оставив позади опасного Макса Василикоса.

Макс провожал взглядом стройную фигуру, стремительно удалявшуюся по дорожке через сад и вскоре скрывшуюся за кустами. В голове крутился вопрос, почему Элен Маунтфорд грозилась помешать ему купить усадьбу, однако вскоре он понял, что его гораздо больше огорчило другое: ему хотелось подольше любоваться ее великолепным телом.

Вернувшись в дом, Макс отправился на поиски хозяйки. Паулин и Хлоя радостно встретили его в гостиной и принялись расспрашивать о впечатлениях. Однако Макс сразу перешел к делу.

– Почему я не был информирован о структуре владения недвижимостью? – спросил он сдержанно, однако стальная нотка в голосе исключала всякую попытку ввести его в заблуждение. – Ваша падчерица объявила мне об этом после ланча.

Хлоя Маунтфорд возмущенно ахнула, но ее мать кинула на нее предупреждающий взгляд. Повернувшись к Макс, она вздохнула:

– Боже мой, что вам наговорила несчастная девушка, мистер Василикос?

– Она не собирается продавать свою долю. Более того, намерена заставить вас принудить ее к продаже через суд. Вы понимаете, конечно, что это будет долгий и дорогостоящий процесс, – заявил Макс без обиняков.

Паулин изящно заломила руки.

– Мне так жаль, мистер Василикос, что вам пришлось столкнуться с таким... упрямством. У меня была надежда, что мы обсудим все в семейном кругу и придем к согласию...

Макс решительно прервал ее:

– Я намерен купить усадьбу, но мне не нужны проблемы.

– Мы тоже не хотим этого, – уверила его Хлоя. – Мамуля, нельзя допустить, чтобы Элен все испортила.

– Вам известна причина, по которой она препятствует сделке? – поинтересовался Макс.

Паулин помрачнела и снова печально вздохнула:

– Мне кажется, что Элен очень несчастлива. Бедная девочка всегда очень... болезненно воспринимала наше... присутствие здесь.

– Она с самого начала возненавидела нас, – подтвердила Хлоя.

– Боюсь, что так и есть, – согласилась ее мать. – Она была еще ребенком, когда Эдвард женился на мне. К сожалению, часто случается, что девочки страдают оттого, что отец, раньше безраздельно принадлежавший им, находит счастье с другим человеком. Видит бог, я делала все от меня зависящее, как и Хлоя. Не правда ли, дорогая? Ведь ты старалась подружиться с Элен, стать для нее настоящей сестрой? Однако... Не хочу говорить об Элен плохо, но что бы мы ни делали, не могли ей угодить. Она была настроена против нас. Ее отец очень переживал. Слишком поздно он понял, что чрезмерно избаловал ее. Пока Эдвард был жив, ему удавалось как-то держать Элен под контролем, но когда он умер... – Она тихо всхлипнула. – Она стала такой, какой вы ее видели.

– Она никуда не выходит! – воскликнула Хлоя. – Словно похоронила себя здесь заживо.

– К сожалению, это так, – кивнула Паулин. – Она преподает в своей бывшей школе, что совсем не идет на пользу, потому что ограничивает горизонты. Элен не участвует в общественной жизни и сопротивляется любой попытке... вовлечь ее! Я желаю ей только добра. Если для меня Хаугтон связан с печальными воспоминаниями, то для нее это во много раз хуже. Нездоровая привязанность к отцу очень опасна для молодой женщины...

– Возможно, она была против того, чтобы ее отец включил вас в завещание? – нахмурился Макс. – Не хотела делиться?

Не в этом ли крылась причина? Элен Маунтфорд мечтала стать единственной наследницей своего отца?

– Я бы не удивилась, – промурлыкала Паулин. – Мой бедный Эдвард любил Хлою как родную, удочерил ее, дал свое имя, как вы знаете. Элен могла испытывать... ревность. Не желала делить отца ни с кем...

В душе Макса шевельнулось горькое воспоминание. Его мать взяла фамилию отчима, но Макс, ее незаконнорожденному сыну, было отказано. Паулин снова заговорила:

– Не подумайте, мистер Василикос, что Эдвард был несправедлив к Элен. Он позаботился о том, чтобы мы с Хлоей были финансово обеспечены, и включил нас в завещание по дому, но все остальное он оставил родной дочери. Мой муж был очень богатым человеком. Он владел акциями и другими активами. – Она вздохнула. – Все, что у нас с Хлоей есть, – это доля в собственности на дом. Вы понимаете, как тяжело нам приходится здесь без Эдварда, поэтому мы продаем усадьбу. К тому же, – добавила она, – доля Элен будет весьма значительной.

Все, что говорила Паулин, Макс выслушал с невозмутимым видом. Это было похоже на правду, ведь он сам наблюдал враждебное отношение Элен Маунтфорд к своей мачехе. Он узнал все, что хотел. Больше ему здесь пока нечего делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.